

Научная статья

УДК 94(47)“18”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.8

## Отношение М. А. Бакунина к проблеме тайных обществ

**Владимир Алексеевич Исаков**

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, [Isakov-va@yandex.ru](mailto:Isakov-va@yandex.ru), <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

**Аннотация.** В статье рассматривается отношение М. А. Бакунина к значению и функционированию тайных революционных обществ. Исследуется вся совокупность связанных с этим проблем в восприятии и осмыслении патриархом анархизма: принципы формирования таких обществ, их роль в революционных событиях и в последующих мероприятиях по созданию нового общественно-экономического уклада. Выясняется непоследовательность позиции М. А. Бакунина. В теории очевидно категорическое неприятие им роли заговорщичества, а в практической деятельности и программных документах заметно признание значения организованных в подпольную структуру революционеров, их фактически руководящей роли в революционных событиях и долгого присутствия после победы для недопущения реставрации старого порядка, руководства сломом его экономического базиса и помощи народным массам в реализации своих устремлений. В историографии отсутствует единая аргументированная оценка этой проблемы.

**Ключевые слова:** народ, революция, революционные организации, анархизм, власть, централизм, государственность, переворот.

**Для цитирования:** Исаков В. А. Отношение М. А. Бакунина к проблеме тайных обществ // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 176—195. URL: [http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/8\\_54\\_2025.pdf](http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/8_54_2025.pdf). DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.8.

Original article

## M. A. Bakunin's attitude to the problem of secret societies

**Vladimir A. Isakov**

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, [Isakov-va@yandex.ru](mailto:Isakov-va@yandex.ru), <https://orcid.org/0009-0001-7804-990X>

**Abstract.** This article examines M. A. Bakunin's attitude to the significance and functioning of secret revolutionary societies. The author examines the totality of related problems in the reception and transformation of anarchism by the patriarch: the principles of formation of such societies, their role in revolutionary events and in subsequent events to create a new socio-economic structure. The inconsistency of M. A. Bakunin's position is revealed. In theory, his categorical rejection of the role of conspiracy is obvious, and in practice and his program documents, there is a noticeable recognition of the importance of revolutionaries organized into an underground structure, their de facto leadership role in revolutionary events and long-term presence after the victory to prevent the restoration of the old order, leadership in the dismantling of its economic basis and helping the masses to realize their aspirations. There is no single reasoned assessment of this problem in historiography.

**Keywords:** people, revolution, revolutionary organizations, anarchism, power, centralism, statehood, coup.

**For citation:** Isakov V. A. M. A. Bakunin's attitude to the problem of secret societies. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 176—195. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.8>.

## Введение

Революционное народничество 1860—1880-х годов, как известно, содержало в себе одновременно три основных идеологических направления, отразившихся в осмыслении истории, текущего положения России, в практике движения и в проектах устройства будущего. Речь идет об анархизме М. А. Бакунина, полагавшего, что источником революционной энергии, автором революции и последующих преобразований всегда будет народ без вмешательства сил извне. Это будет безгосударственное устройство.

Сторонником революционного заговора меньшинства выступил П. Н. Ткачев, считавший, что ждать творческой инициативы от народных масс бессмысленно. Вся организационную работу должно проделать это самое меньшинство, создать тайное общество, совершить революционный переворот и долгое время силой диктаторской власти осуществлять социалистические преобразования в пользу народа, которому много позднее можно будет передать власть.

П. Л. Лавров полагал, что путем пропаганды следует предварительно подготовить народ к революции и лишь затем можно призвать его к революционному выступлению, на которое он пойдет, сознавая свои интересы. В планах Лаврова также присутствовала революционная организация.

При этом все три направления были социалистическими, что означало ликвидацию частной собственности и народовластие после революции. В ткачевском варианте — не сразу, а после длительного периода диктатуры осуществившего переворот революционного меньшинства. Представители этих трех направлений ожесточенно дискутировали друг с другом. Революционные организации внутри России придерживались одного из трех направлений, или же это была комбинация из разнородных положений. В «Народной воле», например, явственно проступает заговорщичество, разработчиком которого выступал П. Н. Ткачев, и неизбежный на том этапе анархизм М. А. Бакунина.

Актуальность темы исследования заключается не только в уяснении позиции крупнейшего идеолога анархизма по непростой проблеме, но и в потребности осмыслить современные запросы социально-экономического и политического развития и определить возможности расширения самоуправления. Как справедливо пишет В. П. Булдаков, «всякая страсть тотального отрицания не может не возрождаться в новых поколениях — особенно в эпоху исторических катаклизмов» [13, с. 4]. Именно в подобной ситуации сейчас находится мир. Исследователи отмечают, что анархистская риторика о правах народа нередко используется для прикрытия, как писал цитируемый Д. Рублевым В. М. Волин, «своего подлинного, партийно-властного лица, оставаясь “централистами, властниками и политиками”» [29, с. 66]. С другой стороны, несомненной, как пишет В. В. Дамье, является «некоторая идейная преемственность», поскольку «наряду с современными европейскими и американскими публицистами российские анархисты часто обращаются к идейному наследию Бакунина и Кропоткина, а также продолжателей анархистской традиции — П. А. Аршинова, В. М. Волина, Н. И. Махно» [19, с. 104—105]. Поиск путей оптимального развития неизбежно должен содержать и знание анархистского наследия, теоретического и практического.

Цель настоящей статьи — рассмотреть позицию М. А. Бакунина по отношению к значению тайных обществ в революции и последующих преобразованиях. Задачами статьи является рассмотрение подходов Бакунина к проблеме конспирации и тайных обществ, принципов их формирования и функционирования, выяснение источников знаний о заговорщической сфере.

Проблемой, составляющей суть статьи, является выяснение соотношения, с одной стороны, бакунинских постулатов о суверенности народных потенций в революции и

последующем созидании нового общества, а с другой — значения деятельности тайного общества, необходимость существования которого признавалась Бакуниным.

Хронологические рамки исследования в основном приходятся на вторую половину 1860-х — первую половину 1870-х годов, когда вернувшийся к активной неподцензурной деятельности М. А. Бакунин имел возможность системно изложить свои взгляды по основным проблемам революционной борьбы.

Методы исследования, используемые в статье, определяются предметом изучения: историко-сравнительный, историко-системный, логический и контент-анализ.

**Историография.** Особенность историографии проблемы заключается в том, что на первом ее этапе авторами чаще всего являлись идеологические оппоненты Бакунина, которые, основываясь на его программных документах, фактически были и первыми исследователями его взглядов. Речь шла о характеристиках тайного общества по проекту Бакунина, взаимосвязи деятельности общества с массовым народным движением и кон-турами власти после революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс выступали принципиальными оппонентами Бакунина, представляя ту программу совершения революции и постреволюционных действий, которую Бакунин категорически отвергал. В ответ они развернули системную и беспощадную критику бакунизма, которая длилась до смерти патриарха анархизма. К 1873 г., когда Бакунин практически полностью изложил свои базовые подходы, основатели Первого Интернационала в статье «Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих» написали по поводу бакунинского проекта: «Перед нами настоящий иезуитский орден» [23, с. 341—342], что означало признание скрытых форм действия, жесткую структуру организации, отрицание морали, безоговорочную дисциплину и повиновение, как это было в практике ордена.

Хорошо знавший Бакунина и не вовлеченный в межфракционную борьбу и дискуссии Г. Н. Вырубов неоднократно отмечал, что «Бакунин действовал, направляя людей, как он говорил, на путь истинный, основывал тайные общества, организовал заговоры, вырабатывал планы революций» [15, с. 49], «без революционной деятельности, без конспираций и боевых организаций Бакунин не мог жить; это была его духовная пища» [15, с. 55]. А место Бакунина в системе конспираторских координат Вырубов определял так — «сам первосвященник тайного Братства» (цит. по: [36, с. 334]). Следует отметить, что Вырубов не являлся идейным противником или сторонником Бакунина, но, общаясь с ним на протяжении ряда лет, имел возможность разобраться в нюансах его теоретических построений. А та объемная характеристика, которую он дал Бакунину, предполагала те же самые свойства, что и иезуитский орден — централизация, скрытость, дисциплина, повиновение.

Одним из первых, кто отозвался на теоретические построения анархистов, и прежде всего самого Бакунина, был его принципиальный оппонент П. Н. Ткачев. Его обстоятельные статьи «Анархия мысли», «Анархическое государство» были опубликованы в журнале «Набат» в середине 1870-х гг., в основном при жизни М. А. Бакунина. В первой из них он провел «критический разбор заграничной литературы» [38, с. 105], в том числе недавно опубликованной фундаментальной работы Бакунина «Государственность и анархия» и программы «Общины русских анархистов» в Женеве. Во второй статье Ткачев проанализировал проекты брюссельской и женевской анархических секций Интернационала *об общественных службах в будущем обществе* (здесь и далее курсив источника. — В. И.) [39].

Следует отметить, что Ткачев гораздо детальнее разобрался в хитросплетениях теоретических построений Бакунина и его сторонников, чем остальные оппоненты, посто-

янно отмечая ключевой момент — критика любой власти «бумажными революционерами» [38, с. 123] представляется несерьезной, итогом революционных процессов будет то, что революционная организация возьмет власть после революции, и власть анархистов будет авторитарной, что следовало даже из их собственных теоретических построений.

Ткачев бросил упрек Бакунину: «Неужели вы думаете, что можете заставить его (на-род. — В. И.) поверить *будто всякая власть портит всякое дело*, и в то же время приве-сти его к сознанию необходимости подчиниться, для успеха революционного движения, какому-то общему, единому руководству, какой-то власти?» [38, с. 118]. Ткачев развива-ет тему в разных плоскостях и все время доказывает, что революционерам не избежать принятия на себя власти и активного ее использования. Разнообразные общественные службы, предлагаемые анархистами, по его мнению, предполагают управление. Он пи-сал: «*Всякое управление* — равнозначает слову *власть*» [39, с. 179]. А саму эту власть он видел диктаторской, исходя из тех условий, которые обрисовывали сторонники Баку-нина. Брюссельские записки, писал он, доказывают «в ущерб здравому смыслу, — будто планируемое ими государство... будет *анархическое государство* (т.е. государство анти-государственное)... несообразное сочетание слов» [39, с. 182—183]. Ткачев фактически доказал, что анархисты планировали создать и использовать государство, более того, оно будет диктаторской формы, даже слово «диктатура» употребляли.

Теоретик российского заговорщичества обратил внимание на утверждение анар-хистов о том, что обстоятельства принудят пролетариат больших городов установить «коллективную *диктатуру* над остальным населением и сделать это в продолжение ре-волюционного периода, достаточно долгого...» [39, с. 187]. Ткачев цитирует позицию анархистов о действиях после победы революции не федеративного государства, «но го-сударства авторитарного, образованного сверху вниз, говоря прямо — государства дик-татурного» [39, с. 187].

Финальный вывод Ткачева звучал убийственно для анархистов: «Умные анархисты не только признают необходимость, но считают совершенно неизбежным авторитар-но-диктаторское государство» [39, с. 188]. Очевидно, что такое государство может бази-роваться на уже существующей с дореволюционного периода революционной структуре с логически предсказуемыми характеристиками: централизм, дисциплина, повиновение, иерархия. Иными словами, все, что Ткачев разрабатывал для партии бланкистского типа, неизбежно должно было реализоваться и в анархистской организации. Этот крайне не-комфортный для Бакунина и его последователей вывод строился на том, что анархистам пришлось бы учитывать жизненные реалии. Ткачев писал: «Чуть господа анархисты сделали попытку спуститься с туманных высот абстрактной и бессодержательной фра-зеологии на почву конкретных фактов... как сейчас же оказалось, что все их нападки на *государственников* основаны на простом недоразумении, на непонимании как своих собственных идеалов, так и идеалов своих противников» [39, с. 172].

Следует признать, что Ткачев вышел за рамки идеологической дискуссии с оппонен-том и, используя критически достаточное цитирование и опираясь на логический метод, перешел на научный уровень познания явления, что в итоге усилило и дискуссионную составляющую. Он доказывает свой вывод о неизбежности использования анархистами силы государства под разными углами. Так, он рассуждает о том, что раз брюссельскими авторами записок допускается законодательная власть, то неизбежно допущение испол-нительной власти с «правом принуждать к исполнению “принятых решений” и “вотиро-ванных законов”». Следовательно, «они неизбежно должны признать и необходимость авторитарного государства» [39, с. 183].

Помимо проблематики, связанной с отношением анархистов к государству и форме власти, Ткачев, опираясь на цитаты из труда Бакунина, указал на главное несоответствие заявленной верности следования народной воле той организации, которую предлагал создать Бакунин. Ткачев писал: «Всякая такая организация по существу своему есть организация авторитарная, а следовательно, антианархическая». Если не будет «общего руководства», то это будет «агломерация». И это «ошибки и противоречия» всех анархистов [38, с. 119].

Статьи Ткачева и отдельные упоминания бакунинских и в целом анархических построений в других его работах явились, пожалуй, наиболее обстоятельным вкладом в исследование бакунизма в тот период и не потеряли своего значения до сих пор.

Пройти мимо принципиальной проблемы характера революционной организации исследователи не могли. Уже на первом этапе советской историографии (1920-е — первая половина 1930-х гг.) появляется статья «Бакунин — якобинец» (1926), в которой достаточно детально разбирается позиция Бакунина. Ее автор В. Полонский писал: «Посмотрите, как строил Бакунин свою организацию», «развертывание этой организации происходило по принципу сверху вниз, а не снизу вверх, вопреки общим декларациям Бакунина, провозгласившим вредность такого централистского принципа». В итоге планировалось создать на основе жесткой дисциплины «организацию тайную, верхушечную, интеллигентскую, оторванную от масс, заговорщическую», что сближает его с бланкистами [28, с. 49—52].

Надо помнить, что в 1920-е гг. марксистская методология была лидирующей и оставалась в таком статусе до конца 1980-х гг. Но это не означало, что истинно научный подход ослабевал. К тому же в эти годы публиковались значительные объемы источников и еще присутствовали фрагментарно иные подходы. Но процитированная позиция Полонского была наиболее показательной и отражала отношение марксистской науки к анархизму как явлению враждебному. По сути, это было продолжение той борьбы, которую в 1860—1870-е гг. вели против Бакунина Маркс и Энгельс. Такая протяженная во времени критика анархистских позиций указывает на ту опасность, которую марксисты видели в анархизме. Масштабно в практической сфере это проявилось в движении Махно в годы Гражданской войны в России и в Гражданской войне в Испании.

Данная критическая оценка стала достаточно устойчивой в историографии. В 1970-е она была фактически повторена М. И. Михайловым, который писал: «Бакунинский план предусматривал создание типично заговорщической, сектантской организации буржуазно-демократического характера, которая в 60-х годах могла нанести рабочему движению только вред» [24, с. 65]. Следует обратить внимание, что упор делался не на несоответствие такой организации духу анархизма, а на ее вред для рабочего движения. Такой чрезмерно идеологизированный подход мешал изучению самого явления. Но в это время присутствовал и противоположный подход, разработанный Н. М. Пирумовой, по мнению которой потребность в «дисциплине и организации» возникла у Бакунина в результате рассмотрения «судьбы лионского восстания». А «бланкизм и мистификация Нечаева, став известными Бакунину, привели к их разрыву» [26, с. 10, 149]. Иными словами, лидер анархизма, если и высказывал симпатии и положительное отношение к некоторым пунктам заговорщической тактики, в целом принципиально ее отвергал.

Отметим одновременно, что Нечаев был практиком в революционном движении, и бакунинская реакция на его конкретные методы выходила за рамки теоретических дискуссий, хотя не учитывать это обстоятельство тоже нельзя. Любая теория проверяется практикой.

То обстоятельство, что Бакунин постоянно обращался к истории революций, восстаний, народных выступлений, деятельности тайных обществ различной направленности, вплоть до иезуитских, масонских, а также карбонариев и находил в них аргументацию своим программным построениям, дало основание Е. Л. Рудницкой и В. А. Дьякову полагать, что Бакунин «приступил к созданию Тайного Интернационала вскоре после того, как убедился в отсутствии ближайших перспектив на крестьянскую революцию в России и разочаровался в социальных претензиях национальных революций» [32, с. 311]. Последнее касалось Италии и Германии, где борьба за национальное объединение путем тайной деятельности не учитывала социальный аспект. Это не устраивало Бакунина именно из-за неучета социального освобождения как цели. В итоге он заимствовал лишь формы борьбы. Как справедливо пишут процитированные выше исследователи, «Бакунин делал ставку в революции на заговорщическую организацию интеллигентов», «очень немногочисленную и сугубо тайную организацию» [31, с. 120, 124].

Н. М. Пирумова, глубокий исследователь жизни и творчества М. А. Бакунина, которая, как отмечает Н. И. Герасимов, «старалась работать в рамках беспристрастного исторического анализа» [16, с. 117], стояла на иной позиции и делала другой вывод: «Французские революции, начиная с 1789 и включая 1848 г., убедили его в реальной возможности широкого народного участия», поэтому «в центре построений Бакунина — народ с его же собственными идеалами, собственной, инстинктивно им порожденной программой революции. Задача организации лишь угадать ее и помочь осуществлению» [26, с. 126, 202].

Думается, это некоторая концептуальная натяжка. Даже искренние уверения Бакунина в следовании народной революции и по характеру, и по целям, и по сути не снимали вопроса руководства ею, и по этому поводу среди исследователей появлялись разногласия. Упомянутый выше В. Полонский был уверен, что Бакунин видел неизбежную необходимость руководства анархией масс [28, с. 53]. Тонкая грань между двумя обозначенными подходами показывает, что аргументы, хотя временами и небесспорные, были у обеих сторон. И выдвигаемые финальные оценки соотношения народной инициативы и деятельности тайного общества все же окончательного ответа не дают. Например, многолетний соратник Бакунина Джеймс Гийом настаивал на том, что планируемая Бакуниным международная тайная организация имела целью лишь пропаганду в народных массах [44, с. 143]. Выходило, что пункт о руководстве восставшими массами даже не присутствует среди задач тайной организации. Но это было не так. В известном, программного значения письме Нечаеву, на пике своей деятельности, Бакунин сформулировал соотношение народной революции и руководящей роли революционеров. Он отмечал «всецелостное разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации посредством народно-стихийной революции, невидимо руководимой отнюдь не официальной, но безыменной и коллективной диктатурой друзей полнейшего народного освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество и действующих всегда и везде ради единой цели, по единой программе» [6, с. 505]. Итак, тайное общество невидимо руководит народной революцией через коллективную диктатуру в соответствии со своей программой. Именно руководит, так написал сам патриарх анархизма. Но руководит «народно-стихийной революцией». Как сопрягаются эти два практически взаимоисключающих положения, Бакунин не объяснил.

Еще одной проблемой, связанной с дискуссией о заговорщических устремлениях Бакунина, является характер власти после революции. По мнению Е. Л. Рудницкой и В. А. Дьякова, Бакунин «фактически вместо известных ранее форм государственности предложил еще одну такую же форму» [33, с. 304]. Н. М. Пирумова же полагала, что предложен-

ная Бакуниным конструкция должна восприниматься как «вариант начала переустройства» человеческого общества и обращала внимание на слова Бакунина о 50—100 годах до победы «новых принципов организации общества» [26, с. 144—145]. Получалось, что как минимум 50—100 лет какая-то форма государственности все-таки будет присутствовать, и формула анархизма не есть нечто, появляющееся мгновенно после победы революции, а оказывается результатом длительных процессов, в течение которых жизненно необходимо сохранение значения тайной организации, задача которой — содействовать народному безгосударственному устройству.

Именно об этом еще в середине 1870-х гг. писал Ткачев, разбирая постулаты анархистов. По его мнению, теория должна выстраиваться от признания необходимости в «государстве авторитарном, социалистически-революционном», в последующем постепенном отмирании его и превращении «в общину, коммуну» [39, с. 194]. Ткачев указывал на то, что изменение сознания масс произойдет очень нескоро, когда «весь народ или подавляющее большинство его проникнется идеями рабочего социализма». Это будет длительный процесс. Он писал: «Самые преданные анархисты допускают эту возможность лишь в очень отдаленном будущем» [39, с. 186]. А весь длительный переходный период будет заполнен бесчисленными мероприятиями по уничтожению основ прошлого уклада и созданию базы нового. И эта работа будет осуществлена силами революционного государства в форме диктатуры. Ткачев обращает внимание на то, что, по мнению самих анархистов, именно «диктаторская власть» «коллективной диктатуры» обеспечит захват крупной собственности для «экономической реорганизации общества» [39, с. 190]. Подтверждение своей мысли Ткачев видел и в том обстоятельстве, что, допуская наличие в постреволюционном обществе полиции, жандармов, тюрьмы и исправительных колоний, анархисты неизбежно предполагают «общество переходное, общество, делающее лишь первые шаги на пути социальных реформ» [39, с. 176—177].

Приведенные аргументы Ткачева и мнение Пирумовой показывают, что проблема формы власти после победы революции и значения инициативного центра преобразования вплоть до его диктаторской формы не освещались достаточно системно и аргументированно, прежде всего имея в виду неизбежность длительного переходного периода.

Современные исследователи (В. А. Исаков, И. А. Камынин, А. Н. Худолеев, Я. Ю. Шашкова, М. Б. Шматова) идейного противостояния Бакунина и Ткачева и соотношения их революционных программ, отмечали, что Бакунин при всех оговорках приходил к мысли о необходимости создания тайного революционного общества с жесткой дисциплиной и перспективой активного участия во власти после победы революции [21; 22; 41—43].

Интересные соображения содержатся в статье В. В. Дамье [18]. Обстоятельно, взвешенно и аргументированно автор обращается к основным моментам программы М. А. Бакунина в динамике ее становления. Для настоящей статьи принципиальны замечания В. В. Дамье об оценках Бакуниным Парижской Коммуны, которая подтвердила его абсолютную уверенность в способности народных масс к созиданию: «...по мнению Бакунина, Парижская коммуна подтвердила правоту его единомышленников, которые не стали декретировать проведение социалистических мер сверху, но положились на инициативу самих масс. Социальная революция, доказывает он, во всем отличается от революции политической, она не может “быть декретирована и организована ни диктатурой, ни вышедшим из политической революции учредительным собранием”. Ее осуществляют сами трудящиеся, беря в свои руки средства производства и управление собственной жизнью и открывая путь новому общественному устройству. “Будущая социальная организация должна быть создана исключительно снизу-вверх...”» [18, с. 95].

В последнее время очевидна активизация исследований, посвященных М. А. Бакунину, что, несомненно, является фактом положительным, как и в целом рост интереса к анархизму, что подтверждает опубликованное недавно обсуждение в журнале «Российская история» (2023. № 6) книги Д. И. Рублева «Российский анархизм в XX в.» [1; 19; 30; 35].

Фигуре Бакунина и его взглядам посвящены и зарубежные публикации. Для нашей проблемы представляет интерес работа известного исследователя анархизма Артура Ленинга, который полагал, что «как для Бланки, так и для Бакунина революция была искусством, но эти точные “позитивные” и “негативные” инструкции кажутся гораздо более уместными для социальной революции, чем чисто повстанческие инструкции для захвата власти по формуле Бланки» [45, р. 73].

Можно констатировать, что в историографии до сих пор не сложилось относительно единой позиции по проблеме понимания М. А. Бакуниным роли тайного общества, соотношения деятельности участников общества с народными массами и постреволюционного социального устройства. Это объясняется сложностью самого явления, историографической традицией, динамикой современных социально-политических процессов, сменой идеологических парадигм.

*Источниковой базой исследования* являются программные работы самого М. А. Бакунина, в частности «Государственность и анархия», «Программа и цели революционной организации интернациональных братьев», «Программа международного социалистического Альянса», «Письмо С. Г. Нечаеву. 2 июня 1870», «Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы», «Федерализм, социализм и антропологизм», «Международное тайное общество освобождения человечества», «Парижская Коммуна и понятие о государственности: Первый опыт социальной революции» [2; 3—8; 10; 11]. Также используются воспоминания Г. Н. Вырубова [15], работы А. И. Герцена [17], К. Маркса и Ф. Энгельса [23], П. Н. Ткачева [38; 39]. В целом исследование обеспечено необходимым объемом источников.

### **Результаты исследования**

Революционное мировоззрение М. А. Бакунина стабильно характеризовалось в историографии устремленностью к социалистическому преобразованию общества. И это была его мировоззренческая основа. Даже в момент написания «Исповеди», находясь в заключении, он не скрывал своей симпатии к этому учению, тому, что он «следовал с постоянным вниманием за достижениями социализма, особенно же коммунизма, ибо смотрел на него как на естественный, необходимый результат экономического и политического развития Западной Европы» [3, с. 110].

Следует обратить внимание на то, что Бакунин в «Исповеди» признается в увлечении коммунизмом, который понимался им в то время как социальное переустройство через насильственный переворот. Было непонятно, относится ли такая трактовка явления и к России. Своей любви к «черному мужику» он не скрывал, писал об этом открыто и даже признавался: «За границей я стал вспоминать, собирать старые, бессознательные впечатления, и отчасти из них, отчасти из разных доходивших до меня слухов создал себе фантастическую Россию, готовую к революции» [3, с. 160]. Надо учитывать, что Бакунин при написании «Исповеди» отчетливо сознавал, что ведет сложнейшую партию с самим императором, который будет скорее всего его читателем. Он очевидно скрывал некоторые моменты, которые успел заявить на воле. Так, в тюрьме в Саксонии в начале 1850 г. он писал адвокату, что в России «царит самый невыносимый и гнетущий деспотизм», следовательно, «можно оспаривать право на революцию в разных странах, но в России это право не вызывает ни малейшего сомнения». И революция будет крестьянской и «нанесет правительству смертельный удар и разрушит это государство» [3, с. 225, 234].

Вся история жизни Бакунина подтверждает его принципиальное следование интересам народа и уверенность в том, что обновление возможно только через революцию. В момент написания «Исповеди» задача осложнялась очевидными обстоятельствами, но он не предал идеалов, а лишь сместил акценты, а увлечение его социализмом касалось лишь Западной Европы. Неизвестно, знал ли император Николай I о саксонских откровениях Бакунина. Тогда Бакунин заявил, что желает ни более ни менее как уничтожения «этого государства», хотя в тот момент еще не был сформировавшимся анархистом, но уже плотно пообщался с Прудоном, познакомился с Марксом и Энгельсом, и ему было на что ориентироваться в выборе революционной доктрины. В. П. Булдаков пишет: «Обличение Марксом ужасов буржуазной эксплуатации не могло не понравиться людям, рассчитывавшим избежать “вредоносного” капитализма. Для народников марксизм сыграл роль полезного и своевременного подспорья» [13, с. 8]. Это в полной мере относится и к Бакунину.

Долгий путь выработки анархистской программы был далек на тот момент от завершения, но тезис об уничтожении государства прозвучал. В итоге Бакунин пришел позднее к идее о необходимости широкой народной революции, которую невозможно «искусственно возбудить», поскольку «народные революции пробуждаются самою силою вещей» [6, с. 505].

Но в его размышлениях уже присутствовала революционная структура, которой он нашел следующее применение: «Революцию искусственно произвести невозможно. Нельзя ее значительно ускорить, хотя и не сомневаюсь в том, что дельная, умная организация может облегчить ее взрыв» [6, с. 505]. Центральная идея, оправдание существования тайной организации — «облегчить взрыв». Позднее появятся и другие идеи, в частности, о руководстве процессом создания новой жизни. Тем не менее всеохватный, как писал Бакунин, общенародный характер революции стоял у него на первом месте. Перед таким напором старый мир мог даже отступить без борьбы, считал он. Но все равно, только народное движение может привести к успеху, поскольку в мире произошло много изменений, упрощающих подавление народа: «Прежде всего моя система разнится тем, что она не признает ни пользы, ни даже самой возможности другой революции, кроме стихийной или народно-социальной. ...Всякая другая революция стала отныне невозможной, недостижимой и неисполнимой. Централизация и цивилизация, железные дороги, телеграфы, новое вооружение и новая организация войск, вообще административная наука, то есть наука систематического порабощения и эксплуатации народных масс, и наука укрощения народных и всяких других бунтов, столь тщательно разработанная, проверенная опытом и усовершенствованная в продолжение последних 75 лет новейшей истории, — все это вооружило государство в настоящее время громадною силою» [6, с. 505—506].

Другими словами, силу государства должна сломить сила народа. Поэтому иные варианты революционных выступлений — через заговор, узкопартийную деятельность — Бакунин категорически отрицал. Более того, он предупреждал, что социалисты-государственники устроят в будущем политический режим, чуждый народу. Он писал: «Регламентация была общей страстью всех социалистов до 1848 года... все они были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, все были более или менее государственниками», и такой социализм «в 1848 году погиб» [11, с. 138]. Бакунин не мог не знать о масштабной теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса именно после 1848 г. с задачей совершения революции под руководством пролетарской партии и создания революционного государства.

Анализ форм устройства жизни после победы революции, которые человечество пережило после 1917 г., не входит в задачи настоящей статьи. Но очевидно, что процесс был предельно непростым и далеко не всегда соответствовал теоретическим наработкам марксистов, которые ориентировались на активное участие народных масс в управлении. Но это отдельная обширная тема. Н. А. Бердяев подметил, как Ленин видел властный идеал в том, чтобы «следовать за жизнью», «предоставить полную свободу творчества народным массам», больше полагаться на их «опыт и инстинкт». Стоило бы добавить, что пафос ленинских призывов к насилию смягчался надеждами на то, что рабочие и крестьяне сами сумеют овладеть «безошибочным искусством делать революцию» [12, с. 275].

В. В. Дамье отметил у Бакунина практически то же самое: «Парижская коммуна подтвердила правоту его единомышленников, которые не стали декретировать проведение социалистических мер сверху, но положились на инициативу самих масс» [18, с. 95].

Проекция бакунинских оценок на будущий процесс постреволюционного обустройства опосредованно, но проглядывалась и в ленинских подходах. Примечательна оценка Д. Рублевым позиции лидера большевиков: «Сам Ленин, по нашему выражению, есть лишь, так сказать, анархист-государственник, еще не окончательно освободившийся от марксистской фразеологии» [29, с. 66].

У Бакунина никогда не пропадал интерес к подпольным структурам, хотя он сам постоянно критиковал организацию «искусственных, тайно-заговорных и внеародных попыток, внезапных нападений, сюрпризов, ударов», противопоставляя им «стихийную, народно-социальную революцию», в результате «никакая искусственная конспирационная сила не будет в состоянии воздержать или даже видоизменить его (народа. — В. И.) самородного движения» [6, с. 505—506].

Думается, что стратегически Бакунин именно так и представлял себе революционный процесс, а его отношение к конспирации, заговору, тайным обществам понятно, если оно не выходило за рамки тактики. Но ощущение противоречивости, похоже, его не покидало. Мысль его работала безостановочно, с середины 1860-х гг. разрабатываются новые документы («Тайное интернациональное общество освобождения человечества», «Катехизис интернациональных братьев», «Программа организации», известное письмо Нечаеву от июня 1870 г.), в которых уточняется назначение тайного общества.

Патриарх анархизма писал: «Единственной целью тайного общества должно быть не создание искусственной силы, а возбуждение, сплочение и организация стихийных народных сил; таким образом, единственно возможная, единственно действительная армия революции не вне народа, а сам народ. Народ искусственно возбудить невозможно; народные революции порождаются самою силою вещей» [6, с. 505].

Казалось бы, все изложено ясно, но в «Программе международного социалистического Альянса» Бакунин изложил несколько иную позицию: «Так как предстоящая революция может быть только всеобщей, Альянс, или — скажем прямо — заговор, который должен ее подготовить, организовать и ускорить, также должен быть таковым» [7, с. 446]. Значение, которое Бакунин придал этими словами заговору, явно превосходит его другие варианты осмысления акта революции — «подготовить, организовать и ускорить». Ранее он многократно убеждал всех, включая оппонентов, что революция — это стихийный акт, и вдруг «подготовить, организовать и ускорить»... Видимо, изменились внешние обстоятельства.

В разной редакции к этой проблеме Бакунин возвращался не раз, уточняя детали. Он писал о необходимости «соединить множество частных крестьянских бунтов в один об-

щий, всенародный бунт» и «быть готовыми во всякую минуту... всегда воспользоваться каждым удобным случаем», и готовиться к длительной работе [6, с. 505].

Бакунин должен был неизбежно изложить свое видение принципов организации подпольного общества. Временами складывается ощущение его полного отрыва от реального положения дел. Например, когда он планирует создать не только общероссийский комитет, но и областные и даже уездные. При этом все осуществляется под «общим братским контролем всех над каждым», в результате выборов появляется исполнительный комитет и подчиненные ему «областные группы». Все должны знать друг друга, но не догадываться о наличии единой организации. Бакунин пишет о «довольно крепкой и живучей» организации, чтобы и после победы революции она не изменила идеалам, а «это совсем нелегкое дело» [27, с. 394; 6, с. 505, 507, 508, 515]. Вне всякого сомнения, подобная разветвленная структура была бы или нежизнеспособна, или же могла существовать, только будучи составленной из революционных идеалистов, при жесточайшей централизации, иерархическом соподчинении и железной дисциплине, что Бакунин не признавал в теории, но с чем, похоже, примирялся на практике. В теории же спланированная им структура должна была быть скреплена «совершенно одинаковой философией, религиозными, политическими и социальными убеждениями» [4 с. 321]. Заметим, отсутствует даже слово «дисциплина».

Как подобная структура может возникнуть, на какой основе, и как она будет соотноситься с народным движением? Патриарх анархизма должен был дать ответы на эти вопросы. В 1868 г. Бакунин задался вопросом: «Кто сумеет организовать и направить эту революцию? Молодежь» [10, с. 110]. То есть некто — молодежь — должен присутствовать в момент революции и содействовать ей. А поскольку у Бакунина были серьезные сомнения в степени готовности молодежи к подобной роли, то вся схема оказывалась под сомнением. В письме жене он писал: «Молодежь еще далеко не дисциплинирована и, главное, к несчастью, еще не понимает, что она не народ — и что продукты ее непереваренных теоретических воззрений далеко не выражают ни народного инстинкта, ни народной воли» [14, с. 209].

Сомнения в зрелости руководства не останавливали Бакунина, и он развивал свой план далее, полагая, что действия организации должны проходить в абсолютной тайне. Как можно этого добиться в масштабном международном сообществе, он фактически не уточняет. В программном документе заявлялось, что «никто не согласится открыто устраивать заговор, соблюдение тайны необходимо». И затем вновь повторяет эту мысль: «Чтобы альянс наций стал реальностью, необходимо тайное соглашение между самыми передовыми и энергичными людьми всех стран и тайное организованное общество» [4, с. 321, 354]. Неизбежность при этом дисциплины, иерархии, централизации были неудобными пунктами для Бакунина, и он повторял свой тезис о духовной солидарности, личных качествах, таких, как у Нечаева, принадлежащего «к числу этих редких людей» [6, с. 512]. Но где и как набрать достаточное количество таких людей, если они редки? Ответа Бакунин не дал.

Ленинская партия, возникшая немного в иных условиях через несколько десятилетий после периода тяжелого опыта российских теоретиков и практиков, в том числе не в последнюю очередь Бакунина, несла многие черты прошлого. В. В. Зверев пишет: «Почему-то забывается, что отстаиваемый им (Лениным. — В. И.) тип социал-демократической организации принципиально отличался от аналогичных объединений Западной Европы. В первую очередь речь шла о партии профессиональных революционеров, построенной на основе особых морально-этических принципов взаимоотношений между ее членами,

жесткой дисциплины, непримиримости по отношению к власти и ее представителям» [20, с. 32—33].

Противоречивость этой ситуации смог отчетливо отобразить Ю. Стеклов, писавший, что у Бакунина был «его знаменитый план организации, в котором он рисует партию, не желая партии, этот план организации союза интернациональных братьев, заговорщиков, оторванных от масс», «но по существу мысль, положенная в его основу, является отчасти предвосхищением грядущего» [37, с. 59—60]. Мысль Стеклова о том, что подобная организация оторвана от масс, представляется оправданной. Работа в массах делает тайну невозможной. Некогда эту проблему затронул А. И. Герцен. Рассматривая план Джузеппе Мадзини по созданию единого европейского комитета, он сделал следующий фундаментальный вывод: «Это был гласный заговор, заговор с открытыми дверями, т.е. невозможный. Заговор должен быть тайной. Время тайных обществ миновало только в Англии и Америке» [17, с. 153]. Это было написано в 1858 г., когда Бакунин находился еще в Сибири. Но, думается, Герцен с его феноменальной способностью видеть суть явления безошибочно указал на главное: заговор — это тайна.

В 1866 г. Г. Н. Вырубов, бывший в постоянном на тот момент контакте с Бакуниным, описал его конспираторские попытки и отношение к ним Герцена: «Я привез по поручению Бакунина его рукопись Герцену на рассмотрение, тот только рукой махнул и заметил, что это чуть ли не десятая попытка Бакунина завербовать его в конспиративные предприятия. Герцен, как и я, не любил политических тайников; с юных лет он имел случай убедиться в их полной несостоятельности» [15, с. 53]. Это несколько противоречит принципиальному заявлению Герцена от 1858 г. Но главное — показывает некоторую анекдотичность попыток Бакунина в практической плоскости, которые далеко не были равнозначны теоретическим выкладкам.

Высказываться о тайных обществах и строить планы по их созданию Бакунин начал намного раньше. В известной «Исповеди», написанной в непростых условиях, когда требовалось скрыть свои революционные планы относительно России, он описал свою попытку создать тайную структуру в Богемии в период революционных потрясений 1848—1849 гг. По задумке Бакунина, требовалось из трех слоев общества (мещане, молодежь и крестьяне), совершенно не знающих друг о друге, создать действенную структуру со «строгой иерархией и безусловной дисциплиной», беспрекословным подчинением центру. И лишь ЦК из 3—5 человек был бы объединительным началом. Общество это должно было «ускорить революционные приготовления в Богемии». Предполагалось сохранить общество и после революции для возможности воздействовать на власть [3, с. 208].

На момент написания «Исповеди» Бакунин не был явным сторонником анархической доктрины и тем более ее автором. Но бесспорно совпадение некоторых пунктов с его будущими взглядами. И такое движение мысли на тот момент объясняется бурной динамикой общественно-политических процессов. Революция 1848—1849 гг. потерпела поражение, хотя была народной по характеру. Требовалось сделать выводы, и, видимо, следствием было повышенное внимание к проблематике тайных обществ — принципам их формирования, руководства, внутренней иерархии, дисциплины и повиновения, соотношения с другими видами оппозиционности.

При разработке своей анархической доктрины Бакунин постоянно подчеркивал неоспоримость суверенных прав народа. Только он, народ, будет решать, какой будет форма власти в будущем. Но сам Бакунин отвергал «даже временную или переходную» власть. Однако, противореча самому себе, он пишет о «коллективной диктатуре нашей организации» для руководства «народной революцией». Тут же оговаривается: «Эти группы, не ища для себя ни льгот, ни чести, ни власти, будут в состоянии руководить народным

движением», выражая «самую суть народных инстинктов, хотений и требований». Бакунин считал, что «тайная коллективная диктатура и сила» должна будет пропагандой и агитацией «соединить народные силы для слома государства», а затем «сохраниться посреди самой революции, не распасться бы и не изменить бы своему направлению на другой день народной свободы» [6, с. 511].

Исследования историками позднейших событий показали, что анархисты могут не поспевать за народной инициативой. П. В. Рябов пишет по этому поводу: «В период массовых подъемов народного социального движения (самоорганизующегося через фабзавкомы, кооперативы, Советы, повстанческие отряды, домовые комитеты и не доверяющего ни любым формам этатизма, ни буржуазным ценностям и институтам) анархисты, не поспевавшие за водоворотом событий, одновременно получали широкую поддержку и шансы на переход к практическому осуществлению своих идеалов» [35, с. 109]. Тем важнее оказывается исследовать «организационное строительство анархистов», «действовавших во время Великой российской революции», как справедливо пишет Дамье, поскольку это была проверка теории массовой практикой [19, с. 102]. Именно это обстоятельство стало рубежным и для самого Бакунина.

Анализируя ход и результаты Парижской Коммуны, он ни разу не упоминает тайное общество или сходную структуру, поскольку был уверен, что даже в короткий период существования Коммуны народные массы подтвердили свою способность обойтись без чьего-либо руководства [5, с. 2—20].

В бурных революционных событиях, развернувшихся в Лионе, немалое значение имел краткий программный документ за авторством Бакунина — «Программа революционной федерации коммун» от 25 сентября 1870 г. В пункте № 1 заявлялось: «Административная и правительственная машина государства, ставшая бессильной, отменяется», а в пункте № 6 говорится о создании «Революционного Конвента спасения Франции», который должен был обеспечить безопасность народной свободы [9]. Очевидна нестыковка — появляется орган, имеющий чрезвычайные полномочия, что многократно отвергалось Бакуниным в других работах.

В любом случае совершаемые действия требовали наличия властного центра, которым оказывалось бы «разумное руководство» тайной организацией [6, с. 511]. Сохранение же этой власти после победы революции требовалось для недопущения реставрации старых порядков. Более того, Бакунин допускает возможность того, что какая-то область после победы революции «отважится на восстание, если наперекор гордости и праву ее захотят принудить остаться в рамках национального единства» [27, с. 347], хотя уже присутствует вождельная народом «самостоятельная, свободная организация всех единиц или частей, составляющих общины, и их вольной федерации между собой, снизу вверх» [2, с. 675]. Неясно, как можно подавлять провинцию, решившую сделать свой выбор, отличный от предполагаемого Бакуниным. Это явное нарушение суверенных народных прав, заявленных им ранее. Кто-то должен принять решение о репрессиях против самовольной провинции, кто-то должен осуществить подавление. Логично предположить, что такой силой может выступить только тайное общество, сохранившееся после революции.

И кто будет решать, что необходимо осуществить это подавление? То самое тайное общество, сохранившееся после победы революции? То есть будущему будут присущи конфликты, и способы их разрешения, предлагаемые Бакуниным, очевидны: «Любая провинция, отказавшаяся изменить свою собственную хартию, объявляется бунтовщиком и как таковая лишается национального покровительства» [14, с. 209; 4, с. 345]. Обтекаемость бакунинских формулировок не может скрыть очевидного факта — Бакунину

не удалось даже в теории разрешить эту проблему: народ вновь становится объектом воздействия неких сил, принявших на себя роль арбитра. А именно этого предполагалось избежать через признание за народом права на самостоятельные действия.

Лишение «национального покровительства», видимо, означало применение силы по отношению к такой провинции. С. Г. Нечаев после периода активного сотрудничества с Бакуниным и незадолго до своего ареста в 1872 г. в «Программе революционной партии. Основные положения» был значительно более прямолинеен и однозначен относительно непростой ситуации, когда какая-то область не примет революционных преобразований. Революционное общество, заявлял он, считает «своей неременной обязанностью принять немедленно все необходимые гарантии... против ретроградных стремлений целых обществ различных местностей. Все попытки реакции повернуть к старому должны быть парализованы, и население должно быть направлено всеми возможными средствами по пути революции» [25, с. 304]. Нечаев не был теоретиком и поэтому высказывался проще и предметнее, не слишком заботясь о соответствии духу анархизма, несмотря на некоторый период сотрудничества с Бакуниным и внешнее согласие с ним. Отсюда и «все возможные средства» для подавления несогласных. Здесь к месту вспомнить подавление большевиками Тамбовского и Кронштадтского восстаний, и более мелких выступлений. Удивительна переключка с Руссо, с главным произведением которого, без сомнения, были знакомы и Бакунин, и Нечаев: «Если кто-либо откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным» [34, с. 14]. Эта тема, как видно, волновала умы ниспровергателей старого порядка задолго до деятельности Бакунина. Не исключено, что жесточайшее подавление восстания в Вандее во время Французской революции было инспирировано размышлениями Руссо.

Логика анализа, похоже, все-таки вынуждала Бакунина признать, что в будущем революционерам не обойтись без государственной власти. Понятие «новое революционное государство» он использует в «Программе международного социалистического Альянса». Бакунин при этом оговаривается, что оно возникает «снизу» и «исключает всякую мысль о диктатуре и опекунически управляющей власти» [8, с. 62].

Отвергая бланкистские и марксистские варианты организации государственной власти после революции, когда эта власть окажется в руках «интеллигентного меньшинства» и социализм станет «средством, а не целью революции» [8, с. 66; 7, с. 446], Бакунин пытался смоделировать собственный проект, чтобы «посреди народной анархии» присутствовало «тайное всемирное общество интернациональных братьев» «для торжества революции над реакцией» и «установления революционного союза» [8, с. 70].

Факт остается фактом — Бакунин предполагал сохранить тайную структуру и после победы, когда должна была бы торжествовать народная свобода.

В. П. Булдаков отмечает существенный нюанс этой ситуации: «Бунтарство как такое не является антиподом власти. В его основе лежит всего лишь отторжение от *безнадежной* власти, предполагающее поиск новой власти-веры, способной возродить к себе должный — “сакрально-метафизический” — страх» [13, с. 21].

В. Полонский достаточно объемно и объективно охарактеризовал противоречивость бакунинских построений: «Бакунин отрицал авторитаризм, а в своем организационном плане был авторитаристом; отрицал централизм — и создавал централистскую организацию. Отрицал иерархию — и создавал иерархию. Призывал к абсолютной свободе — и был сторонником железной дисциплины; борясь как будто против регламентации — сам создал железную организацию с твердым регламентом. Выступая ярким противником и врагом диктатуры, на деле стремился к незримой диктатуре в мировой социальной ре-

волюции» [28, с. 59—60]. Пожалуй, это одна из наиболее полных и соответствующих реальности оценок взглядов Бакунина на эту проблему.

Представляется, что противоречивость теоретических построений Бакунина является доказанным фактом. Их требуется объяснить. Бакунин искренне желал социальной справедливости и такого устройства общественной жизни, которое бы ее гарантировало. Но даже в теоретических поисках надо было учитывать реалии жизни. Здесь начинались нестыковки, и Бакунин пытался найти компромиссные варианты решений, особенно касающиеся средств достижения целей борьбы и последующего устройства жизни. Зыбкая грань между теорией и практикой прослеживается во многих ситуациях. Так, отвергая многократно применение принципов иезуитизма в письме к Нечаеву, он в итоге примиряется с ним и называет «необходимым и великолепным средством... чтобы уничтожить врага» [6, с. 515].

Бакунин не мог не знать о многочисленных попытках тайных обществ поднять восстания в первой половине XIX века и о лидерах этой тенденции Г. Бабефе и Ф. Буанаротти, Т. Дезами, О. Бланки, Ж. Ж. Пийсе. Скорее всего, он не мог не знать их трудов, как считает Н. М. Пирумова [26, с. 127], или отражения их деятельности в печати и общественном сознании, поскольку внимательно следил за общественно-политической жизнью Европы.

Не приемля государственный коммунизм как цель, Бакунин не мог избежать влияния заговорщической доктрины. Ю. Стеклов, сославшись на Неттлау, который указал «на то влияние, которое, вероятно, оказал на бакунинские построения Буанаротти», пришел к выводу, что «сорокалетняя тихая заговорщическая работа Буанаротти очевидно произвела на него сильное впечатление и могла вдохновлять его при выработке идеи интернационального революционного братства. Бакунин держался таких воззрений уже во время национальных заговоров, которые он описывает в своей “Исповеди” (1851), и неизвестно, являлась ли эта идея его оригинальной идеей или же он точно был знаком с действительно конспиративными приемами эпохи Буанаротти... Для этого он в Париже 1844—1847 гг. мог иметь достаточно случаев» [36, с. 349].

Бакунина привлекали тактические моменты, способы организации подобных обществ, технология действий. И следует отметить, что даже в работе «Федерализм, социализм, антитеологизм» (1867) Бакунин, обсуждая бабувистские принципы, не высказался отрицательно. Им рассматривался даже опыт иезуитов, «создавших тайные общества с лучшей в мире организацией» [4, с. 354].

Бакунин, как отмечалось, знал опыт масонских лож и даже на время вступил в одну из них. Таким образом, и революционный опыт, и иезуитский, и масонский он использовал при осмыслении и разработке способов борьбы. Заговорщический вариант активно рассматривался, и даже делались попытки его практической реализации. Бакунин вполне рационально рассматривал ту или иную попытку создания тайного общества. Попытку первой «Земли и воли» он быстро отверг ввиду рыхлости и слабости общества, хотя поначалу даже заявил, что вступает в него [36, с. 93].

Тайные общества Германии в период революции 1848—1849 годов вызвали у него примерно такую же реакцию: «Заговоров и серьезных предприятий... не было, а шуму, песней... пива и хвастливой болтовни много». Вывод его, сформулированный тогда, сохранял свое значение и позднее: «Должно различать две вещи: толпу шумящую, и тайные общества, всегда состоящие из немногих предприимчивых людей, которые ведут толпу невидимую рукою и готовят предприятие в тайных заседаниях» [3, с. 143, 135]. Центральные слова — «ведут толпу».

### Заключение

Проблематике тайных обществ М. А. Бакунин уделял огромное внимание. Идеальный поиск в этом направлении активизировался со второй половины 1860-х годов, хотя и ранее ему приходилось высказываться принципиально по соответствующим сюжетам. Тайные общества должны были, по его мнению, готовить народ к революции. Но Бакунин неизбежно выходил на потребность дать ответ о характеристиках, функциях и возможностях властного центра подпольной организации. И приходил к выводу о необходимости создания такого центра с жесткой дисциплиной, замкнутостью, иерархией, четкой структурой. Плотное знакомство с историей западноевропейских подпольных структур не прошло даром. Каспар Турский, решительный бланкист, писал, что «единственный интерес» сторонников Бакунина — «это постоянная агитация и заговоры» [40, с. 35], которые, естественно, невозможны без тайного общества.

Теоретические конструкции Бакунина о том, как следует выстраивать в будущем социальную структуру, были достаточно противоречивы. С одной стороны, он не отказывался от тезиса о стихийно-народном характере процесса формирования нового общества, а с другой — допускал присутствие тайного общества после победы революции как силы, определяющей направление преобразований и гарантирующей безопасность.

Опыт Парижской Коммуны им был явно переоценен, в анализе ее практики он все надежды связывал с инициативой масс, а не с руководством профессиональных революционеров. Более того, вскоре после Коммуны в принципиальной работе «Государственность и анархия» (1872) Бакунин, описывая революционные события 1871—1872 гг. в Испании, дает следующую восторженную трактовку процессам: «Нет более ни финансов, ни войска, ни суда, ни полиции; нет государственной силы, остается могучий, свежий народ, одержимый ныне единою социально-революционной страстью. Под коллективным руководством Интернационала и Союза Социальных Революционеров он спланируется и организует свою силу и готовится на развалинах распадающегося государства и буржуазного мира основать собственный мир освобожденного работника-человека» [2, с. 492—493]. В такой анархистской редакции ему виделись события, что было преувеличением. Упомянутый Союз Социальных Революционеров был основан самим Бакуниным в 1872 г. Иными словами, отказаться от присутствия «коллективного руководства» не получалось.

В целом бакунинское отношение к проблеме тайных обществ и сопутствующим проблемам характеризуется значительной динамикой. В период революции 1848—1849 гг. его план создания тайного общества укладывался в классические нормы заговорщичества: тайный характер, диктатура центра, дисциплина, повиновение, лидерство в революционном процессе. После возвращения в активную революционную жизнь, особенно со второй половины 1860-х годов, по мере наработки полновесной анархистской программы, его отношение к данной проблеме стало много осторожнее: общество предполагалось только для содействия народному движению без намека на навязывание чуждых народу целей. После победы революции общество сохранялось для обеспечения безопасности созидания народом новой жизни и помощи в координации народных действий.

Практика Парижской Коммуны подвигла Бакунина к размышлениям о самодостаточности народной инициативы, и тайное общество им некоторое время не упоминается, но затем возникает в работе «Государственность и анархия». Представляется, что трезвый анализ реалий жизни вынуждал Бакунина признать некоторое значение общества заговорщиков и до революции, и после, хотя трудно было найти более решительного критика национальных тайных обществ, бланкизма, марксизма, всех, кто ратовал за государственную революционную власть.

Противоречивость бакунинских теоретических построений отразилась в практике революционного движения. И вторая «Земля и Воля», и особенно «Народная Воля», исповедуя во многом бакунизм, структурно представляли собой централизованные организации.

Можно предположить, что в бакунинских построениях отразилась сама противоречивая российская действительность. Легальная деятельность была невозможна, косность и инертность народных масс были очевидны, как и очевидно было личное пристрастие Бакунина к конспиративным методам борьбы, что было следствием основательного знания западноевропейской революционной истории.

#### Список источников

1. Аладышкин И. В. Старая и добрая история российского анархизма // Российская история. 2023. № 6. С. 112—117. DOI: 10.31857/S2949124X23060111.
2. Бакунин М. А. Государственность и анархия // Избранные труды. М. : Росспэн, 2010. С. 463—694.
3. Бакунин М. А. Исповедь // Материалы для биографии М. А. Бакунина : в 3 т. М. ; Пг. : Гос. изд-во, 1923. Т. 1. С. 100—248.
4. Бакунин М. А. Международное тайное общество освобождения человечества // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М. : Наука, 1974. С. 313—355.
5. Бакунин М. А. Парижская Коммуна и понятие государственности. Женева : Новая русская типография, 1892. [2], X, 20 с.
6. Бакунин М. А. Письмо С. Г. Нечаеву. 2 июня 1870 // Литературное наследство. М. : Наука, 1985. Т. 96 : Герцен и Запад. С. 499—522.
7. Бакунин М. А. Программа и цели революционной организации интернациональных братьев // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. Т. 18. С. 444—449.
8. Бакунин М. А. Программа международного социалистического Альянса // Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность : в 3 т. М. : Коммунист, 1927. Т. 3. С. 60—83.
9. Бакунин М. А. Программа революционной федерации коммун (Красная афиша). URL: <https://valivanch.livejournal.com/133440.html?ysclid=m8vwhlinpb602626474&es=2> (дата обращения: 11.04.2025).
10. Бакунин М. А. Речь на конгрессе Лиги Мира и Свободы. 1868 // Бакунин М. Избранные произведения : в 5 т. М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 103—125.
11. Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антропологизм // Бакунин М. Избранные произведения : в 5 т. М. : Голос труда, 1920. Т. 3. С. 126—216.
12. Бердяев Н. А. Судьба России. М. : Советский писатель, 1990. 348 с.
13. Булдаков В. П. Марксизм, Ленин, революция: метаморфозы великой легенды // Российская история. 2020. № 2. С. 3—24. DOI: 10.31857/S086956870009248-3.
14. Восемнадцать писем М. А. Бакунина (письмо Н. С. Бакуниной. 5 июня (23 июня) 1862) // Былое. 1906. № 7. С. 183—214.
15. Вырубов Г. Н. Революционные воспоминания // Вестник Европы. 1913. № 2. С. 45—70.
16. Герасимов Н. И. Объять необъятное // Российская история. 2023. № 6. С. 117—121. DOI: 10.31857/S2949124X23060123.
17. Герцен А. И. Былое и думы // Собрание сочинений : в 30 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 10. С. 151—201.
18. Дамье В. В. Михаил Бакунин: от социалистического федерализма к анархизму // Философские науки. 2014. № 7. С. 83—102.
19. Дамье В. В. Новая книга по истории анархистского движения // Российская история. 2023. № 6. С. 99—105. DOI: 10.31857/S2949124X23060093.
20. Зверев В. В. Ленин: социализм, народники и мировая революция // Российская история. 2020. № 2. С. 31—34. DOI: 10.31857/S086956870009250-6.
21. Исаков В. А. М. А. Бакунин и революционное заговорничество // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, № 3 (36). URL: <https://history.jes.su/s207987840000984-1-1/>
22. Камынин И. А. Государство и революция в политической теории народничества: М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 27 с.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1961. Т. 18. С. 323—452.
24. Михайлов М. И. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М. : Наука, 1976. 351 с.
25. Нечаев С. Г. Программа революционной партии. Основные положения // Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. М. : Археографический центр, 1997. С. 304—306.

26. Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М. : Наука, 1990. 318 с.
27. Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб. : Изд. В. Врублевского, 1906. 562 с.
28. Полонский В. Бакунин — якобинец // Вестник коммунистической академии. 1926. Кн. 18. С. 42—62.
29. Рублев Д. Анархисты о политической деятельности В. И. Ленина в эпоху Великой российской революции // Российская история. 2020. № 2. С. 65—77. DOI: 10.31857/S086956870009255-1.
30. Рублев Д. Н. И. Махно и Махновское движение в оценках российских и украинских анархистов 1918—1921 гг. // Российская история. 2023. № 6. С. 85—98. DOI: 10.31857/S2949124X23060081.
31. Рудницкая Е. Л., Дьяков В. А. Возникновение тайного интернационала Бакунина // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 113—125.
32. Рудницкая Е. Л., Дьяков В. А. Новые материалы о тайном интернациональном братстве М. А. Бакунина // Проблемы итальянской истории. М., 1972. Вып. 1. С. 307—342.
33. Рудницкая Е. Л., Дьяков В. А. Рукопись М. А. Бакунина «Международное тайное товарищество освобождения человечества» // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М. : Наука, 1974. С. 295—312.
34. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. 146 с. // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: [https://www.civisbook.ru/files/File/Russo\\_O\\_dogovore.pdf](https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf) (дата обращения: 11.04.2025).
35. Рябов П. В. Первое в России фундаментальное и честное исследование о российском анархизме // Российская история. 2023. № 6. С. 105—112. DOI: 10.31857/S2949124X2306010X.
36. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность : в 3 т. Т. 2. М. : Коммунист, 1927. 448 с.
37. Стеклов Ю. Что разделяет и что сближает нас с Бакуниным // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. 18. С. 42—62.
38. Ткачев П. Н. Анархия мысли // Ткачев П. Н. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 103—140.
39. Ткачев П. Н. Анархическое государство // Ткачев П. Н. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1976. Т. 2. С. 171—194.
40. Турский К. М. Идеализм и материализм в политике. Ч. 1. Женева : Тип. журн. «Набат», 1877. 71 с.
41. Худолеев А. Н. П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин: к истории идейного противостояния // История идей и история общества : материалы V Всерос. науч. конф. (Нижевартовск, 19—20 апр. 2007 г.). Нижевартовск : Изд-во НГГУ, 2007. С. 93.
42. Шашкова Я. Ю. Теория революционной партии народников 70—80-х гг. XIX в. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. 169 с.
43. Шматова М. Б. П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин: заговор или бунт // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Т. 6, № 3 (36). URL: <https://history.jes.su/s207987840001013-3-1/>
44. Guérin D. Ni dieu, ni maitre. Anthologie de l'anarchisme. Т. 1. Paris, 1974. 413 p.
45. Lehning A. Bakunin's Conceptions of Revolutionary Organisations and Their Role: A Study of His 'Secret Societies' // Essays in Honour of E. H. Carr. London, 1974. P. 57—81.

## References

1. Aladyshkin I. V. Staraya i dobraya istoriya rossiiskogo anarkhizma [The good old history of Russian anarchism]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 6, pp. 112—117. DOI: 10.31857/S2949124X23060111. (In Russian)
2. Bakunin M. A. Gosudarstvennost' i anarkhiya [Statehood and Anarchy]. *Izbrannye Trudy* [Selected works]. Moscow, Rosspen Publ., 2010, pp. 463—694. (In Russian)
3. Bakunin M. A. Ispoved' [Confession]. *Materialy dlya biografii M. A. Bakunina: v 3 t.* [Materials for the biography of M. A. Bakunin. In 3 vols.]. Moscow, Petrograd, Gos. izd-vo Publ., 1923, vol. 1, pp. 100—248. (In Russian)
4. Bakunin M. A. Mezhdunarodnoe tainoe obshchestvo osvobodzheniya chelovechestva [International Secret Society for the Liberation of Humanity]. *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859—1861 gg.* [The Revolutionary Situation in Russia in 1859—1861]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 313—355. (In Russian)
5. Bakunin M. A. *Parizhskaya Kommuna i ponyatie gosudarstvennosti* [The Paris Commune and the concept of statehood]. Zheneva, Novaya russkaya tipografiya Publ., 1892. [2], X, 20 p. (In Russian)
6. Bakunin M. A. Pis'mo S. G. Nechaevu. 2 iyunya 1870 [Letter to S. G. Nechaev. June 2, 1870]. *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Nauka Publ., 1985, vol. 96, Gertsen i Zapad, pp. 499—522. (In Russian)
7. Bakunin M. A. Programma i tseli revolyutsionnoi organizatsii internatsional'nykh brat'ev [Program and goals of the revolutionary organization of the international brothers]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gos. izd-vo polit. literatury Publ., 1961, vol. 18, pp. 444—449. (In Russian)

8. Bakunin M. A. Programma mezhdunarodnogo sotsialisticheskogo Al'yansa [Program of the International Socialist Alliance]. Steklov Yu. *Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Ego zhizn' i deyatel'nost': v 3 t.* [Mikhail Aleksandrovich Bakunin. His life and work. In 3 vols.]. Moscow, Kommunist Publ., 1927, vol. 3, pp. 60—83. (In Russian)
9. Bakunin M. A. *Programma revolyutsionnoi federatsii kommun (Krasnaya afisha)* [Program of the revolutionary federation of communes (Red poster)]. Available at: <https://valivanch.livejournal.com/133440.html?ysclid=m8vwhlinpb602626474&es=2> Accessed: 11.04.2025. (In Russian)
10. Bakunin M. A. Rech' na kongresse Ligi Mira i Svobody. 1868 [Speech at the Congress of the League of Peace and Freedom. 1868]. Bakunin M. *Izbrannye proizvedeniya: v 5 t.* [Selected works. In 5 vols.]. Moscow, Golos truda Publ., 1920, vol. 3, pp. 103—125. (In Russian)
11. Bakunin M. A. Federalizm, sotsializm i antropologizm [Federalism, socialism and anthropologism]. Bakunin M. *Izbrannye proizvedeniya: v 5 t.* [Selected works. In 5 vols.]. Moscow, Golos truda Publ., 1920, vol. 3, pp. 126—216. (In Russian)
12. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 348 p. (In Russian)
13. Buldakov V. P. Marksizm, Lenin, revolyutsiya: metamorfozy velikoi legendy [Marxism, Lenin, revolution: metamorphoses of a great legend]. *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 3—24. DOI: 10.31857/S086956870009248-3. (In Russian)
14. Vosemnadtsat' pisem M. A. Bakunina (pis'mo N. S. Bakuninoi. 5 iyunya (23 iyunya) 1862) [Eighteen letters of M. A. Bakunin (letter to N. S. Bakunina. June 5 (June 23), 1862)]. *Byloe*, 1906, no. 7, pp. 183—214. (In Russian)
15. Vyrubov G. N. Revolyutsionnye vospominaniya [Revolutionary memories]. *Vestnik Evropy*, 1913, no. 2, pp. 45—70. (In Russian)
16. Gerasimov N. I. Ob'yat' neob'yatnoe [Embrace the unbounded]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 6, pp. 117—121. DOI: 10.31857/S2949124X23060123. (In Russian)
17. Gertsen A. I. Byloe i dumy [Past and Thoughts]. *Sobranie sochinenii: v 30 t.* [Collected works. In 30 vols.]. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1956, vol. 10, pp. 151—201. (In Russian)
18. Dam'e V. V. Mikhail Bakunin: ot sotsialisticheskogo federalizma k anarkhizmu [Mikhail Bakunin: from socialist federalism to anarchism]. *Filosofskie nauki*, 2014, no. 7, pp. 83—102. (In Russian)
19. Dam'e V. V. Novaya kniga po istorii anarkhistskogo dvizheniya [A new book on the history of the Anarchist movement]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 6, pp. 99—105. DOI: 10.31857/S2949124X23060093. (In Russian)
20. Zverev V. V. Lenin: sotsializm, narodniki i mirovaya revolyutsiya [Lenin: Socialism, the Narodniks and the world revolution]. *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 31—34. DOI: 10.31857/S086956870009250-6. (In Russian)
21. Isakov V. A. M. A. Bakunin i revolyutsionnoe zagovorshchichestvo [M. A. Bakunin and revolutionary conspiracy]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 2015, vol. 6, no. 3 (36). Available at: <https://history.jes.su/s207987840000984-1-1/> (In Russian)
22. Kamynin I. A. *Gosudarstvo i revolyutsiya v politicheskoi teorii narodnichestva: M. A. Bakunin, P. L. Lavrov, P. N. Tkachev: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [State and revolution in the political theory of populism. M. A. Bakunin, P. L. Lavrov, P. N. Tkachev. Abstr. Cand. Dis.]. Moscow, 2008. 27 p. (In Russian)
23. Marks K., Engel's F. Al'yans sotsialisticheskoi demokratii i mezhdunarodnoe tovarishchestvo rabochikh [The alliance of socialist democracy and the international workingmen's association]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Gos. izd-vo polit. literatury Publ., 1961, vol. 18, pp. 323—452. (In Russian)
24. Mikhailov M. I. *Bor'ba protiv bakunizma v I Internatsional'e* [The struggle against Bakuninism in the First International]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 351 p. (In Russian)
25. Nechaev S. G. Programma revolyutsionnoi partii. Osnovnye polozheniya [Program of the revolutionary party. Main provisions]. *Revolutsionnyi radikalizm v Rossii: Vek devyatsatsaty* [Revolutionary radicalism in Russia: The Nineteenth century]. Moscow, Arkheograficheskii tsentr Publ., 1997, pp. 304—306. (In Russian)
26. Pirumova N. M. *Sotsial'naya doktrina M. A. Bakunina* [The Social doctrine of M. A. Bakunin]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 318 p. (In Russian)
27. *Pis'ma M. A. Bakunina k A. I. Gertsenu i N. P. Ogarevu* [Letters of M. A. Bakunin to A. I. Herzen and N. P. Ogarev]. St. Petersburg, Izd. V. Vrublevskogo Publ., 1906. 562 p. (In Russian)
28. Polonskii V. Bakunin — yakobinets [Bakunin — Jacobin]. *Vestnik kommunisticheskoi akademii*, 1926, book 18, pp. 42—62. (In Russian)
29. Rublev D. Anarkhisty o politicheskoi deyatelnosti V. I. Lenina v epokhu Velikoi rossiiskoi revolyutsii [The anarchists on the political activities of V. I. Lenin in the era of the Great Russian revolution]. *Rossiiskaya istoriya*, 2020, no. 2, pp. 65—77. DOI: 10.31857/S086956870009255-1. (In Russian)

30. Rublev D. N. I. Makhno i Makhnovskoe dvizhenie v otsenkakh rossiiskikh i ukrainskikh anarkhistov 1918—1921 gg. [N. I. Makhno and the Makhnovist movement in the assessments of Russian and Ukrainian anarchists (1918—1921)]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 6, pp. 85—98. DOI: 10.31857/S2949124X23060081. (In Russian)
31. Rudnitskaya E. L., D'yakov V. A. Vozniknovenie tainogo internatsionala Bakunina [The emergence of Bakunin's secret international]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 1971, no. 6, pp. 113—125. (In Russian)
32. Rudnitskaya E. L., D'yakov V. A. Novye materialy o tainom internatsional'nom bratstve M. A. Bakunina [New materials on the secret international brotherhood of M. A. Bakunin]. *Problemy ital'yanskoi istorii* [Problems of Italian history]. Moscow, 1972, is. 1, pp. 307—342. (In Russian)
33. Rudnitskaya E. L., D'yakov V. A. Rukopis' M. A. Bakunina "Mezhdunarodnoe tainoe tovarishchestvo osvobozhdeniya chelovechestva" [Manuscript by M. A. Bakunin "International Secret Society for the Liberation of Humanity"]. *Revolutsionnaya situatsiya v Rossii v 1859—1861 gg.* [Revolutionary situation in Russia in 1859—1861]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 295—312. (In Russian)
34. Russo Zh.-Zh. Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava. 146 s. [On the social contract, or Principles of political law. 146 p.]. *Elektronnaya biblioteka "Grazhdanskoe obshchestvo"* [Electronic library "Civil society"]. Available at: [https://www.civisbook.ru/files/File/Russo\\_O\\_dogovore.pdf](https://www.civisbook.ru/files/File/Russo_O_dogovore.pdf). Accessed: 11.04.2025. (In Russian)
35. Ryabov P. V. Pervoe v Rossii fundamental'noe i chestnoe issledovanie o rossiiskom anarkhizme [The first fundamental and honest study in Russia about the Russian anarchism]. *Rossiiskaya istoriya*, 2023, no. 6, pp. 105—112. DOI: 10.31857/S2949124X2306010X. (In Russian)
36. Steklov Yu. *Mikhail Aleksandrovich Bakunin. Ego zhizn' i deyatel'nost': v 3 t. T. 2* [Mikhail Aleksandrovich Bakunin. His life and work. In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, Kommunist Publ., 1927. 448 p. (In Russian)
37. Steklov Yu. Chto razdelyaet i chto sblizhaet nas s Bakuninyim [What divides and what brings us together with Bakunin]. *Vestnik Kommunisticheskoi akademii*, 1926, book 18, pp. 42—62. (In Russian)
38. Tkachev P. N. Anarkhiya mysli [Anarchy of thought]. Tkachev P. N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 103—140. (In Russian)
39. Tkachev P. N. Anarkhicheskoe gosudarstvo [Anarchic state]. Tkachev P. N. *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, vol. 2, pp. 171—194. (In Russian)
40. Turskii K. M. *Idealizm i materializm v politike. Ch. 1* [Idealism and Materialism in Politics. Part 1]. Zheneva, Tip. zhurn. "Nabat" Publ., 1877. 71 p. (In Russian)
41. Khudoleev A. N. P. N. Tkachev i M. A. Bakunin: k istorii ideinogo protivostoyaniya [P. N. Tkachev and M. A. Bakunin. On the history of ideological confrontation]. *Istoriya idei i istoriya obshchestva: materialy V Vseros. nauch. konf. (Nizhnevartovsk, 19—20 apr. 2007 g.)* [History of ideas and history of society. Proceed. of the V All-Russia sci. conf. (Nizhnevartovsk, Apr. 19—20, 2007)]. Nizhnevartovsk, NGGU Publ., 2007, p. 93. (In Russian)
42. Shashkova Ya. Yu. *Teoriya revolyutsionnoi partii narodnikov 70—80-kh gg. XIX v.* [Theory of the revolutionary party of populists of the 70—80s of the XIX century]. Barnaul, Altaiskii gos. un-t Publ., 2002. 169 p. (In Russian)
43. Shmatova M. B. P. N. Tkachev i M. A. Bakunin: zagovor ili bunt [P. N. Tkachev and M. A. Bakunin: Plot or Revolt]. *Elektronnii nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*, 2015, vol. 6, no. 3 (36). Available at: <https://history.jes.su/s207987840001013-3-1/> (In Russian)
44. Guérin D. Ni dieu, ni maître. Anthologie de l'anarchisme. T. 1. Paris, 1974. 413 p.
45. Lehning A. Bakunin's Conceptions of Revolutionary Organisations and Their Role: A Study of His 'Secret Societies' // Essays in Honour of E. H. Carr. London, 1974. P. 57—81.

#### Информация об авторе

**В. А. Исаков** — доктор исторических наук, профессор

#### Information about the author

**V. A. Isakov** — Doctor of Historical Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025;  
принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 12.04.2025;  
accepted for publication 20.05.2025